

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕКСИКИ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕЛЕНЫ КАЗАНЦЕВОЙ

Любое художественное литературное произведение в качестве основной задачи имеет воздействие на читателей (слушателей) посредством художественных образов. Специфика авторской песни как жанра заключается прежде всего в самой форме существования произведения: непосредственное выступление на концерте, аудиозапись, видеозапись и т.д. Следовательно, автор должен использовать такие языковые средства, которые слушатель сможет и успеет воспринять непосредственно во время звучания произведения, т.е. при знакомстве с произведением подобного рода действуют жесткие временные рамки, о чем мы уже говорили ранее [1].

Одним из таких средств является употребление в тексте произведения лексики с противоположным (собственно языковым и контекстуальным) значением. Рассмотрим некоторые аспекты использования антонимии в произведениях белорусского автора и исполнителя Е. Казанцевой.

При анализе 110 стихотворных текстов названного автора [2] обнаружилось, что употребление лексики с противоположным значением (собственно языковой и контекстуальной) свойственно подавляющему большинству из них. Если же брать во внимание “подразумеваемое противопоставление”, т.е. те случаи, когда противоположное понятие не имеет лексического выражения в тексте, но легко восстанавливается из контекста или ситуации, то отмеченными внутриязыковой или контекстуальной антонимией оказываются все известные нам тексты Е. Казанцевой.

Лексически выраженная собственно языковая антонимия присутствует приблизительно в трети всех рассмотренных нами текстов. С точки зрения частеречной принадлежности самой распространенной в количественном плане группой при этом являются глаголы: *любишь / не любишь, мой / не мой* (от глагола “мыть”), *войду / уйду, закрутил / раскрутит, доживу / не доживу, полюбила / не полюбил, ответят / не ответят, хотел ругнуться / не ругнулся, приеду / уеду, говори / молчи, любил / разлюбил, живу / не живу, ушел / остался, уеду / вернусь, открою / закрою, проснусь / усну*. Затем идут существительные (*мороз / тепло, горе / счастье, утро / вечер, темнота / свет, радость / грусть, лето / зима, день / ночь, встречи / разлуки*) и прилагательные (*огромный / маленький, итальянские / неитальянские, родную / неродную, жива / мертва, простое / непростое, правильный / неправильный*,

чужой / родной). Встречаются также наречия (*потом / пока, туда / сюда, тяжелей / легче, взад / вперед*) и местоимения (*все / не все*).

Легко заметить, что значение противоположности часто возникает за счет употребления отрицательной частицы *не*; это относится в первую очередь к глаголам, а также к прилагательным. Встречается также единичный случай возникновения противоположного значения за счет использования *не* в сочетании с местоимением, тогда как наречия и существительные, передающие противоположное значение, употребляются без отрицательной частицы.

Интересно также использование Е. Казанцевой конструкций со значением противопоставления, состоящих не из двух (что характерно для антонимии в привычном смысле), а из трех элементов. Например, в тексте “Кому – любовь, кому – Москва...” (название по первой строке) противопоставление желаемого и действительного возникает за счет описания внутреннего состояния, а также использования существительных-символов. Первые два (*любовь, Москва*) символизируют желаемые или приемлемые варианты и противопоставляются третьему, который мыслится как “проза жизни”, наихудший из названных; показательно, что именно этот третий вариант выражает ситуацию действительности в данном произведении.

Говоря об антонимах контекстуальных, можно предположить, что они являются еще более действенным средством создания образности высказывания, нежели антонимы собственно языковые. Эта особая выразительность возникает за счет эффекта неожиданности, который активизирует внимание читателя (слушателя). Иными словами, использование контекстуальной антонимии (и синонимии) не просто разнообразит язык произведения, но и усиливает впечатление от прочитанного или услышанного. Например, в тексте “Вам двадцать два, мой лейтенант, и мы не пара...” в качестве антонимов используются числительные *двадцать два* и *тридцать три*, выражающие возраст и приобретающие значение противоположности с точки зрения наивности и умудренности. В тексте “Стоят на книжной полочке...” наблюдается противопоставление имен классиков литературы (Гомер, Овидий, Пушкин, Толстой, Шекспир, Лермонтов, Есенин, Кольцов, Сартр, Бродский) и имени самого автора; можно предположить, что противопоставление в данном случае означает не столько противоположность, сколько включенность автора в общий ряд великих литераторов.

Привлекает внимание также использование Е. Казанцевой конструкций, в которых сочетающиеся между собой компоненты находятся в отношениях оксюморона, что соотносится с понятием антонимии. К числу таких примеров можно отнести выражения: *дорога в никуда, время умрет, скамейки летают, тяжелое обаяние* и др.

Литература

1. Папейко, А.А. К вопросу о языковых особенностях русскоязычной авторской песни Беларуси / А.А. Папейко // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2008 г. (3–4 февраля 2009 г.) / под ред. А.В. Иванова. – Могилев: УО “МГУ им. А.А.Кулешова”, 2009. – С. 262–264.

2. Источником текстов явился сайт: www.bards.ru / Текстовый архив.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова